

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 82.09(520)

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.199

СТАТИЧНОЕ «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ» В ДИНАМИЧНОМ «ВЕКЕ»: ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЗЕ САЯКИ МУРАТЫ И ЖУРНАЛИСТСКИХ ТРАВЕЛОГАХ О ЯПОНИИ

А. А. Елкина

Тверской государственный университет, г. Тверь

Данная статья является попыткой проанализировать происходящие в японском обществе важные социальные изменения, которые описывает в своей повести «Человек-комбини» современная японская новеллистка Саяка Мурата, и сравнить их с «внешними» визуальными образами из журналистских травелогов о Японии советского периода.

Ключевые слова: Япония, Саяка Мурата, В.Я. Цветов, Ю. Берндт, травелог, японская литература.

С момента своего окончательного «открытия» в 1868 году Япония претерпела колоссальные изменения: Революция Мэйдзи, мировые войны и страшные бомбардировки, экономический кризис 80-х годов сделали эту страну такой, какой мы видим ее сейчас. Противоречивые визуальные представления и впечатления о Стране восходящего солнца не оставляют равнодушными вот уже несколько поколений путешественников и исследователей, о чем говорит огромное количество написанных путеводителей, журналистских заметок и научных работ (см., например: [1; 2; 5; 6]).

Во всем мире давно известно о знаменитом «духе коллективизма» японской нации, когда любые действия внутри социума нужно осуществлять так, чтобы ни в коем случае не выбиваться из толпы (см.: [4]). Знаменитая поговорка про «торчащий гвоздь, который забивают» как раз об этом. Но готово ли современное поколение молодых японцев все еще жить в этой системе или же идти против нее? Изменилось ли японское общество за последние полтора века на самом деле? А за тысячелетие? Каким его видят «изнутри» сами японцы и представляют «снаружи» иностранцы?

В данной статье на примере повести современной японской писательницы Саяки Мураты «Человек-комбини» и путевых заметок советского журналиста В. Я. Цветова мы попытаемся проследить, действительно ли японское общество в визуальном представлении самих жителей и гостей страны остается статичным даже сквозь века, или же в нем про-

© Елкина А. А., 2023

изошли значимые изменения, а также насколько ярко в нем выражаются различные социальные и культурные противоречия.

Вышедшая в 2016 году провокационная повесть Саяки Мураты «Человек-комбини» не только получила множество престижных литературных наград в Японии (в числе одной из них премия Акутагавы), но и произвела фурор как на родине, так и за рубежом (см.: [3]). «Человек-комбини» – едкая и гротескная сатира, заявляющая, что современное общество, в принципе, мало чем отличается от великих литературных антиутопий. Или от первобытного строя. Под тонкой корочкой гуманизма и человеколюбия скрывается древний ужас перед всеми, кто не похож на других и не хочет играть по принятым правилам.

Главная героиня повести, Кэйко Фурукура, для всех кажется странной, а относятся к ней практически как к изгоя. Все потому, что она живёт одна, не хочет замуж и всю жизнь работает в комбини – круглосуточном мини-маркете у дома, где знает и любит каждый товар и каждую полку. Вот уже 18 лет она остается неизменным работником стеклянной коробки под названием «комбини», почти не берёт выходные и всегда рада выйти сверхурочно. Своё рвение Кейко объясняет тем, что копит деньги, а нежелание менять работу списывает на слабое здоровье. На самом деле у Кейко Фурукуры есть секрет: она понятия не имеет, как жить. Но однажды в магазине появляется новый сотрудник по имени Сираха, который волей случая переворачивает жизнь Кэйко с ног на голову. Знакомство с ним, таким же чужаком среди людей, как и она сама, – заставляет героиню наконец осознать, как этот мир устроен и что именно она не понимала о себе и о других. Принять это мироустройство или бросить ему вызов – вот тот выбор, который встает перед Кэйко.

Сам мир магазинчика – это гротескная сатира на строго упорядоченную систему общества, внутри которого работают безликие шестеренки. Не выделяться, быть как все, принять свою роль и играть по правилам иначе «организм» выкинет тебя как «очередную отмершую клетку» – вот основные законы социума, которые красной строкой проходят через все производство. Большая часть японцев до сих пор придерживается этого принципа, который существует испокон веков, о чем и пишет Мурата: «“Ну вот, теперь и ты – инородное тело,” – говорю я себе рассеянно. Перед глазами встаёт Сираха, которого выкинули с работы. Значит, теперь мой черёд? Нормальный мир поддерживает свой порядок принудительно. Все инородные тела он потихоньку выбрасывает. А отбросы – утилизирует. Так вот почему я должна исправиться? Иначе нормальные люди выкинут меня на помойку? Наконец-то я поняла, что же именно старалась исправить во мне моя собственная семья» [7, с. 72–73].

С появлением Сирахи Кэйко принимает стандартные правила игры и соглашается стать очередным «забитым гвоздем» – создать фиктивную семью, уволиться из любимого магазина, в котором видела смысл

своей жизни, с которым слилась в единый организм – «в химеру под именем “Человек-комбини”» и окончательно превратиться в химеру «Человек Нормальный» [Там же, с. 82]. Этой химерой и прикидывается современное общество, которое «не изменилось со времен эпохи Дзёмон», как постоянно утверждает «коллега» главной героини – Сираха. Увидев неприглядную правду, от которой Кэйко так долго убегала, девушка соглашается с ним: «Ведь мысли Сирахи о том, что даже в шкуре современных людей мы остались в эпохе Дзёмон, не такое уж преувеличение. Да, инструкцию эту составили давным-давно. И вложили в наши головы так надёжно, что прописывать её буквами не было никакой нужды. Модель поведения под названием “Человек Нормальный” действительно не менялась в нас с самой эпохи Дзёмон, осознала я наконец» [Там же, с. 86].

Эпоха Дзёмон, о которой так часто упоминают герои в книге (целых 13 раз), – эпоха первых поселений японцев, переводится как «эпоха верёвочного орнамента» – период японской истории с 13 000 года до н. э. по 300 год до н. э., во время которого Япония была населена охотниками-собирающими и ранними сельскохозяйственными сообществами. Сихара утверждает, что модель общинного строя оказывается идеальной, прежде всего, как для существования внутри самого социума, так и для построения индустриального общества.

И ведь действительно, в знаменитой книге советского журналиста В. Я. Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» находим подтверждение тому, что деревенская община вполне может служить моделью такого общества, замкнутого и отделяющего себя от окружающего мира, но переложенной на современный индустриальный манер: «К общине, где господствует такое вот сознание, и испытывают пылкую привязанность нынешние японские предприниматели. Потому и возрождают общинный дух на заводах, фабриках, в конторах и учреждениях. <...> Цель маскарада – создать впечатление, что в эпоху научно-технической революции община с ее примитивным коллективизмом способна преодолеть противоречия между трудом и капиталом и обеспечить прибыль отдельному человеку благодаря улучшению положения группы» [8, с. 38]. В. Я. Цветов акцентирует внимание на том, что пройти путь по «карьерной лестнице» жизни возможно только в составе группы, как это было сначала в эпоху первых поселений, а в особенности при самураях. Однако именно общинный дух в истории неоднократно помог возродить японскую государственность, укрепить традиции и построить ту технологичную Японию, какой многие знают ее сейчас.

Изгнание из «общины» приравнивается к «гибели», также и герои утверждают, что современные законы общества оказываются амбивалентными, где свобода выбора, по их мнению, является лишь иллюзией: «Нам забивают мозги болтовнёй о современном обществе, индивидуа-

лизме – но любого, кто не хочет принадлежать деревне, выворачивают кишками наружу, ломают на дыбе и выкидывают на съеденье волкам» [7, с. 79–80], – четко заявляет Сираха. В «Пятнадцатом камне...» мы также находим подтверждение словам героя: «Нет для японца более жестокой кары, чем оказаться выброшенным из общины в чужой мир, простирающийся за ее границами, в страшный мир, куда вышвыриваются хлам, грязь и недуги. К высшей мере наказания – изгнанию из общины – приговаривали раньше и приговаривают теперь только за самое тяжкое в глазах общинников преступление. Это не хулиганство, не воровство и даже не поджог, а поступок, который лидеры общины могут выдать за измену ей, за попрание ее интересов» [8, с. 79–80].

Получается, что одна система лишь повторяет другую, но уже в современной индустриальной оболочке, и выходит, что общество ради своего выживания и поддержания работы всех его участников готово еще долго безоговорочно продолжать следовать «шаблонизации». Вот только побочным эффектом будет являться потеря личностью своей индивидуальности: «Следуя безупречной служебной инструкции магазинчика, я сумела стать нормальным продавцом. Но насколько “нормальной” я смогла бы стать, действуя за рамками инструктажа, – вопрос не из лёгких» [7, с. 23], – ведет с собой героиня внутренний монолог.

Для неё сложно играть роль «нормальной» женщины. И, хотя, давление на Кэйко извне оказывается настолько велико, в конечном итоге, она выбирает слушать только себя, выходит за рамки «общины», которая попрекала ее за отсутствие мужа, навыков прекрасной японской домохозяйки и подработку в комбине в столь неприглядном возрасте. В финале истории она возвращается к работе, чтобы вновь стать душой магазина и жить так, как хочет сама. Точно и ёмко главная героиня обозначает свою собственную «нормальность» внутри социума с помощью метафорического образа «прозрачной коробки, за стеклянными стенами, в которой не перестаёт кипеть жизнь <...>, чистенький, безупречный аквариум продолжает работать как заведённый. Стоит мне вообразить эту сцену, как в ушах начинает звучать “Симфония комбини” – и я, успокоившись, засыпаю. Ведь когда придёт утро, я опять стану *homo kombini* – и превращусь в шестерёнку этого мира. Одно лишь это и делает меня “нормальным человеком”» [Там же, с. 24].

В.Я. Цветов еще в 80-х годах задокументировал идентичный образ, увиденный своими глазами на одной из улиц Токио: стеклянный аквариум как амбивалентный символ несвободы и четкого разделения гендерных ролей внутри общества: «Но на сей раз торговая реклама оказалась мне социальным символом. На электрооргане играла женщина. Вместе с инструментом она была заключена в клетку, сооруженную на высоком постаменте. Что клетка – сплошь из стекла, разделенного на большие квадраты красивыми деревянными рамами, суть символа не ме-

няло. Свобода японской женщины не ограничена колючей проволокой официальных запретов. Конституция страны провозглашает равенство всех людей, независимо от пола. Однако традиция предписывает рассматривать женщину только как жену и мать. Эта традиция вместе с другими неформальными ущемлениями женских прав превращена в стеклянную клетку, изолирующую японку от мира и жизни» [8, с. 254]. Такую же роль для женщины когда-то «закрепил» и известный миф об Идзанаги и Идзанами – прародителях Японских земель [1, с. 15–16].

Выходит, что японское общество при взгляде «изнутри» при всей своей кажущейся динамичности XXI века оказывается статичным и не подверженным изменениям даже спустя тысячу лет. Претерпевающее внешние изменения, оно лишь приняло иную оболочку, а все его нутро остается прежним, как и утверждают героини повести «Человек-комбини». Общество здесь хоть и насыщено технологическими достижениями, но все это идет скорее как фон, ведь японский социум оказывается лишен человеческой эмоциональности и свободы в выборе своей жизни, и, по словам героев, он готов следовать традициям тысячелетней давности ради сохранения своей целостности. Однако именно Кэйко является той новой силой, которая готовит этот мир к изменениям.

В. Я. Цветов, напротив, акцентирует наше внимание на определенных культурологических и антропологических моментах, показывает глубокое уважение японского общества к своим корням и вместе с тем одновременно демонстрирует высокий уровень его технологического развития. Журналист ни в коем случае не дает резких оценок и не утверждает, что следование законам прошлого «застопорило» развитие страны. Его «внешний» взгляд, наоборот, даёт понять, что японское общество со времен эпохи Дзёмон за тысячу лет претерпело колоссальные изменения и продолжает двигаться вперед, оказываясь в новом динамичном веке.

Знаменитый советский этнограф и этнолог С. А. Арутюнов в своем предисловии к книге Юргена Бернда «Многоликая Япония» также отмечает, что поздний переход Японии от феодализма к капитализму как раз и поспособствовал тому, как «многие пережиточные внешние черты феодального типа поведения, уже не соответствующие содержанию повседневного поведения, все еще стойко сохраняются в быту и выглядят особым диссонансом на фоне супериндустриализированного общества» [1, с. 7]. Получается, что при внимательном рассмотрении статичность оказывается фиктивной, японское общество продолжает двигаться вперед и развиваться по своим собственным законам. Возможно, в ближайший век в японском социуме появятся другие негласные правила, а страна сделает очередной технологический скачок в будущее.

Повесть Саяки Мураты «Человек-комбини», несомненно, задает новый тон японской литературе, порождая новый тип сильных героинь.

Писательница с точностью старается обнажить всё, что волнует японское молодое поколение на данный момент, и заявляет о том, что общество обязано перестать загонять всех в свои жесткие рамки и распоряжаться чужими жизнями, иначе «фиктивная» статичность в скором времени грозит обернуться статичностью подлинной. А тревелогисты здесь как раз и являются ярким маркером обнажения тех противоречий, которые стираются при взгляде изнутри.

Список литературы

1. Берндт Ю. Лики Японии. Москва: Наука, 1988. 293 с.
2. Богодерова А. А. Япония в русских тревелогах рубежа XIX–XX веков // Русский тревелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом: колл. монография. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2019. С. 52–78.
3. Гаврикова Д. С. Феномен женского самосознания в современной японской литературе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1 (37). С. 98–104.
4. Докучаева И. Сравнительный анализ образа Японии в творчестве В. В. Овчинникова и В. Я. Цветова (на примере произведений «Ветка сакуры» и «Пятнадцатый камень сада Рёандзи») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 137–141.
5. Елкина А. А. «Очень новая старая пагода»: японская модель восприятия времени в путевых дневниках советских журналистов // Время как сюжет: Статьи и материалы. Тверь: Альфа Пресс, 2021. С. 258–266.
6. Елкина А. А. Японский бум и агрессия гайдзинов: от публицистики XX века к телевизионным путешествиям // Вся ненависть мира: Насилие в литературе и искусстве: Сб. статей. Серия: Неканоническая эстетика. Вып. 8. Санкт-Петербург: Москва: Сам Полиграфист, 2021. С. 250–261.
7. Мурата С. Человек-комбини. Москва: Popcorn Books, 2020. 144 с.
8. Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. Москва: Политиздат, 1986. 302 с.

STATIC “MILLENNIUM” IN A DYNAMIC “CENTURY”: CONTRADICTIONS OF JAPANESE SOCIETY IN THE PROSE OF SAYAKA MURATA AND JOURNALIST TRAVEL LOGS ABOUT JAPAN

A. A. Elkina

Tver State University, Tver

This article is an attempt to analyze the important social changes taking place in Japanese society, which are described in her novel “Convenience Store Wom-

an” by modern Japanese short story writer Sayaka Murata, and to compare them with “external” visual images from journalistic travelogues about Japan of the Soviet period.

Keywords: *Japan, Sayaka Murata, V. Ya. Tsvetov, J. Berndt, travelogue, Japanese literature.*

Об авторе:

ЕЛКИНА Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Elkina.AA@tversu.ru

About the author:

ELKINA Anastasia Aleksandrovna – Assistant at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova Str.), e-mail: Elkina.AA@tversu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.